

Рогожникова Т. П. Политические тексты начала XX века : коммуникативно-дискурсивные особенности / Т. П. Рогожникова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 61—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-61-71.

Rogozhnikova, T. P. (2019). Political Texts of the Early XX Century: Communicative-Discursive Features. *Nauchnyi dialog*, 11: 61-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-61-71. (In Russ.).



УДК 811.161'42:32.019.51

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-61-71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© **Рогожникова Татьяна Павловна (2019)**, orcid.org/0000-0002-4821-8987, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), pmtr@mail.ru.

Представлены результаты дискурсивного анализа политических текстов периода 1903—1906 годов. Особое внимание уделяется методологии исследования политического дискурса в исторической перспективе. Поднимается вопрос о различных сферах порождения политических текстов и их бытования, участниках политической коммуникации, их социально-политической принадлежности. Проводится дискурсивный анализ текстов на основе ряда признаков: авторство, адресность политического текста, коммуникативные стратегии и тактики. Показана актуализация в текстах противостоящих политических партий агональности как специфического свойства политической коммуникации, своеобразие реализации агональности в стратегиях и тактиках авторов: монархиста и представителей радикальных левых партий. Дана классификация тактик, реализующих стратегию дискредитации и стратегию борьбы за власть. В качестве доминирующих в речах епископа Гавриила указаны тактики солидаризации, апелляции к ценностям и оппозиционирования, в прокламациях — тактик обвинения, негативной оценки, призыва к борьбе за власть. Определяется характер зависимости языковых средств (в том числе из арсенала иных видов дискурса) от характера коммуникативной тактики. Рассмотрены текстовые комбинации коммуникативных тактик. Исторические политические тексты исследуются в коммуникативно-дискурсивном аспекте.

Ключевые слова: политический дискурс в ретроспективе; политический текст; прокламация; агональность; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики.

1. Введение

Политическая сфера жизни закономерно выступает в качестве объекта гуманитарных исследований, выполняемых в русле различных научных парадигм. Для отечественного языкознания последних десятилетий характерно пристальное внимание к функционированию языка в сфере политики [Баранов, 1997; Демьянков, 2002; Шейгал, 2004; Чудинов, 2012 и мн. др.]. Практически одновременно с выделением политической лингвистики как особой отрасли языкознания сформировалось устойчивое мнение о методологической важности исследования принципов, правил и приемов политической речи, выработанных и обусловленных исторически [Громыко, 2006; Патрикеева, 2014]. Материалом для ретроспективных исследований стали политические тексты предреволюционной поры — времени возрастания социальной активности населения вследствие остро воспринимаемой им социально-политической ситуации в стране [Громыко, 2006; Коновалова, 2014; Сафонов, 2017]. Как показывают иссле-

дования, политической активизацией были охвачены все части Российской империи. Не стал исключением и Омский край, о чем свидетельствует богатый историко-политический материал омских архивных, библиотечных и музейных фондов. Объектом для историко-лингвистического изучения в последнее десятилетие стали региональные тексты разных жанров: письма-обращения к императору, устные выступления граждан в составе судебных дел об оскорблении императора, газетные статьи и др. Выявлены языковые, жанрово-стилистические, лингвокультурологические и лингвокогнитивные особенности документных текстов [Рогожникова, 2015; Рогожникова, 2018].

Предметом исследования в настоящей статье являются коммуникативно-дискурсивные особенности исторических текстов предреволюционной поры: прокламаций (в составе архивных судебных дел, а также изданных) и речей (устных, специально подготовленных, изданных).

Материалом для исследования послужили две группы источников, сходные тематически (социально-политическая ситуация в стране), но противопоставленные коммуникативно-прагматически (борьба за сохранение ситуации либо, напротив, за кардинальные перемены). Позиция защиты монархии и связанных с нею принципов российской власти ярко представлена в публичных выступлениях епископа Омского и Семипалатинского Гавриила: «Речь Епископа Омского и Семипалатинского Гавриила при открытии отдела Союза Русского Народа в Омске» (1908), «Речь, произнесенная при вступлении членов Союза Русского Народа в 3-ю годовщину своего звания» (1908). Критику существующего строя и прямые призывы к его коренным изменениям отражают прокламации партий демократической направленности — омских комитетов социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и партии социалистов-революционеров (ПРС): «Кто должен победить» (1904), «Рабочий класс и поп Гапон» (1905), «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!» (1905), «Ко всем гражданам (Идти ли в Государственную Думу?)» (1906), «Какое нам нужно страхование?» (1906).

Методология исследования основана на комплексном подходе к анализу текстов: дискурсивные особенности текстов рассматриваются во взаимосвязи их коммуникативно-прагматической, жанрово-стилистической и языковой природы.

2. Теоретические основы исследования

В рамках нашего исследования остановимся на оптимальных дефинициях терминов *дискурс* и *политический дискурс*, используемых в зарубежных и российских трудах в области лингвистики и смежных с ней наук. Коммуникативная составляющая дискурса особо выделена в основополагающем для многих современных лингвистов определении ван Дейка: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим <...> в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [Дейк ван, 1989, с. 69]. Следовательно, любой дискурс есть продукт коммуникации в определенных условиях.

Признанным в современной лингвистике является также тезис о смежности понятий «текст» и «дискурс», а их противопоставление основано на различии текста

как процесса (дискурса) и текста как продукта дискурса (собственно текста) [Там же, с. 3]. Другими словами, не существует текста вне дискурсивной деятельности: любому зафиксированному тексту предшествует дискурс. Контекст при этом следует понимать как историческую социокультурную, политическую и идеологическую практику [Чернявская, 2008; Гаспарян, 2014].

Дискурсивный анализ проводится в работе с опорой на ведущие дискурсивные характеристики, обозначенные А. П. Чудиновым [Чудинов, 2012, с. 73—80]: авторство, адресность текста, коммуникативные намерения (стратегии и тактики).

3. Дискурсивные особенности политической коммуникации

3.1. Авторство политических текстов. Первая группа исследуемых источников — это собственно авторские тексты. Официальный автор устных (зафиксированных и изданных) выступлений на общих партийных собраниях — епископ Омский и Семипалатинский Гавриил (в миру Григорий Васильевич Голосов, 1839—1916). Вхождение епископа в политику связано с тем фактом, что именно он в 1908 году выступил инициатором создания в Омске отдела Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, одной из радикальных правомонархических организаций в Российской Империи, и в целом придерживался ее политической программы. Как известно, уставом организации определены ее основные политические принципы: развитие национального русского самосознания и объединение всех русских людей для общей работы на благо Российской империи по уваровской формуле «Православие, самодержавие, народность». Этот специфический социально-исторический контекст, в котором устои монархического правления во многом опирались на религиозные ценности, на уровне текста отразился в актуализации автора как представителя определенной партии. Епископ Гавриил предстает в речах не только как духовный наставник — он еще и политический лидер с неоспоримым авторитетом. Отсюда доминирование в текстах в аспекте авторства такого важного свойства политического дискурса, как институциональность, актуализированное в коллективном *мы*: **на нас лежит долг** [Гавриил, 1910, с. 156]; **нам, истинно рускимъ людемъ... мы должны въ настоящее время; всемъ намъ, рускимъ патриотамъ, нужно показать...** [Там же, с. 157]. Местоименные плюральные формы уже в приведенных узких контекстах отражают включенность автора в осознание общенациональной миссии и готовность к ее исполнению.

Вторая группа текстов, отражающая программные положения противников самодержавного устройства России, представлена в нашей работе агитационными листовками (о жанрово-стилистических особенностях прокламаций начала XX века см.: [Рогожникова, 2018]). Многие из них фигурируют в составе судебных дел в качестве вещественного доказательства и хранятся в областном архиве. Если в первой группе текстов автор мог официально высказать свою позицию (канал коммуникации в этом случае был официальным), то в данном случае канал получения политической информации был подпольным, а создание и распространение политической продукции преследовалось. Авторами являлись представители социал-демократов и эсеров, предпринимавшие попытки популяризации программных положений своих партий и соз-

давшие блок левых революционных сил, объединившихся в борьбе с самодержавием [Новиков, 2016, с. 191—192].

Это формально анонимные тексты, содержащие лозунги, прямые и косвенные призывы к активным действиям. Относительно языкового арсенала авторства следует отметить регулярные (характерные и для речей Гавриила) случаи выражения коллективного *мы*: *сознательными мы называем тех рабочих* [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 5]; *здесь, в Сибири, мы поддержим всеобщей стачкой* [Там же, л. 9]; *нам нужно страхование от убийств среди белого дня* [Там же, л. 12].

3.2. Адресность политических текстов. Речи епископа Гавриила, как показывает анализ коммуникативной ситуации их создания и обнародования, адресованы его единомышленникам-однопартийцам, а также аналогично настроенным представителям всего российского общества: *Приветствую Васъ, союзники отдѣла Русского Народа, с наступающею 3-ею годовщиною нашего полезнаго отдѣла!* [Гавриил, 1910, с. 156]. Потенциальная идейная близость автора и его адресата эксплицирована в формах обращения: *Отцы и братья; Откликнемся, братие, на призыв своего Государя к объединению* [Там же, с. 143]. Показательно, что интенсификация этого признака выражается церковнославянской звательной формой *братие* (от собирательного *братия*), характерной для монастырской среды. Следовательно, в количественном отношении адресность речей Гавриила можно определить в целом как групповую: тексты адресованы всем русским православным людям, способным и готовым объединиться для общей работы на благо Родины, на благо русского народа и православия в целом. В коммуникативном отношении анализируемые тексты отличаются наличием непосредственных обращений к аудитории.

Адресат прокламаций также можно охарактеризовать как преимущественно групповой: это не весь народ, но народные массы, крайне недовольные сложившейся ситуацией и способные подчиниться призывам, прежде всего рабочие крупных городов. Отсюда революционное по духу обращение *товарищи* в прокламации 1905 года «Рабочий класс и поп Гапон» (*Готовьтесь, товарищи, революция не за горами!* [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 126, л. 5]), в прокламации 1906 года «Какое нам нужно страхование?» (*Подымайтесь же, товарищи рабочие, и через труп самодержавия идите к свободной демократической республике* [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 12]).

В качестве основной задачи левые видели объединение рабочих, крестьян и солдат в борьбе с существующим строем. Так, в листовке омских социал-демократов «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!», адресованной непосредственно солдатам, авторы одновременно подразумевают и других представителей угнетенного народа: *«Солдаты! Помните ли вы свои убогие деревушки и сѣла, с покрившимися избами с соломенными крышами? Помните ли вы своя фабрики и заводы, где вы работали, всегда работали и всегда голодали? Помните ли вы, что вы крестьяне и рабочие только временно оторваны от своих деревень и со своих фабрик? Помните ли вы, что вы дети народа?»* [Общественно-политическое движение, 1996, с. 147].

Однако в листовке с говорящим названием «Ко всем гражданам» (1905) авторы (комитет омского комитета РСДРП) обращаются ко всем российским гражданам:

Граждане! Будьте на страже своих интересов! [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 7].

Прокламации в условиях подпольной работы и преследования социалистов-революционеров и социал-демократов являлись одним из наиболее действенных средств массового распространения политической информации. Показательны для предреволюционной эпохи, в отсутствие технологических возможностей для тиражирования и распространения информации, призывы к аудитории: *Товарищи! Перепечатавайте и распространяйте в массах этот листок!* [Общественно-политическое движение, 1996, с. 136].

3.3. Коммуникативные стратегии и тактики. Стратегии и тактики в коммуникативной лингвистике определяются как «планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха. К стратегии относится планирование в максимально обобщенном виде» [Чудинов, 2012, с. 76]. Стратегия выбирается в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. В политической коммуникации стратегия может быть ориентирована на создание эмоционального настроения, убеждение аудитории в собственной правоте, завоевание авторитета и др. [Паршина, 2004]. Конкретными способами реализации стратегии являются коммуникативные тактики, осуществляемые с помощью коммуникативных приемов (ходов). Применение тех или иных стратегий и тактик зависит от конкретной политической ситуации, в которой он создан, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики адресата.

Исследуемые тексты, созданные в период крайнего обострения политической борьбы, демонстрируют актуализацию воздействующей функции политической коммуникации и агональности как ее специфического свойства [Чудинов, 2012, с. 68—69]. Агональность — борьба за власть против «чужих» и за «своих» — закономерно влияет на стратегии и тактики политика [Цуцьева, 2014, с. 33—37]. В исследуемых текстах агональность проявилась в базовых стратегиях — стратегии дискредитации политических противников (речи Гавриила) и стратегии борьбы за власть (прокламации левых партий). В текстах епископа дискредитация политических противников осуществляется преимущественно с помощью тактики солидаризации, апелляции к ценностям, оппозиционирования, негативной оценки и обвинения, в прокламациях левых партий стратегия борьбы за власть реализуется в тактиках обвинения, негативной оценки и прямых призывов к изменению политического строя.

В публичных выступлениях епископа Гавриила ярко представлена тактика солидаризации. Языковыми средствами осуществления этой тактики является употребление местоимений *мы / нас* в значении «мы с вами»: *Намъ, истинно русскимъ людямъ; На насъ лежитъ долгъ; мы должны в настоящее время; Отцы и братья! Приветствую Васъ, союзники Отдѣла Русского Народа* [Гавриил, 1910, с. 156—157]. Эта тактика направлена на создание у слушающих чувства духовной близости, объединения для исполнения исторической миссии русского народа в опасной политической ситуации.

Тактика оппозиционирования выражается в противопоставлении своих единомышленников политическим оппонентам с апелляцией к национальной и пар-

тийной принадлежности противоположных сторон: с одной стороны — *истинно русские люди, патриоты, защитники Православия, Самодержавия и интересов Русского народа, полезный Отдель Союза Русского Народа*, с другой — *жиды, инородцы, сторонники заграничной конституции с масонжидовским учением и парламентской говорильни, октябристы, кадеты*. В языковом отношении оппозиционирование наиболее явно выражается в местоименной форме *они*: **Они тем напрягают свои силы, чтобы взволновать бушующее море** [Гавриил, 1910, с. 46].

Характерна для речей также тактика апелляции к общегосударственным и общечеловеческим ценностям: *Родина — это огромное пространство земли, приобретённое Русской кровью и обильно политое трудовым потом не одного крестьянства, но и всех русских деятелей на всех ступенях власти...* [Гавриил, 1910, с. 158]. Словосочетания *огромное пространство земли, Русской кровью, трудовым потом, русские деятели* призваны вызвать у слушателей чувство единения и гордости за своё государство, за его историю. Апеллируя к религиозным чувствам слушателей (и позднее — читателей), Гавриил затрагивает одну из важнейших ценностей русской культуры — православную веру и православную церковь: **Богъ — святыня Русской народной души, искренно верующей и получающей духовное удовлетворение въ обрядахъ Православной церкви. Без веры в Бога — это значитъ не жить, а вечно страдать...** Царь для православных — *Помазанник, сердце котораго в руцѣ Божией, неограниченный Судия и Властитель*, а верой монархии, подобно бесам в церковных преданиях, *исчезнут яко дым*.

Присущая религиозному дискурсу дидактическая функция [Жарасик, 1999] сочетается в речах с основной целью выступающего — укреплением веры в справедливость существующего строя как единственно возможного и убеждением в опасности его разрушения в результате кардинальных перемен в Российской Империи.

Тактика обвинения в речи участников политической коммуникации — это, как правило, обличение или разоблачение [Иссерс, 2008, с. 202]. Гавриил изобличает сторонников реформ в злонамеренности, враждебности русскому народу и государству: **Сам Бог скажет людямъ ...аз воздам свободомыслящим за попытки обольстить народную массу, разрушая государственный строй Русской жизни своими посяательствами.**

Особую воздействующую силу тактики приобретают в различных комбинациях, представленных даже в пределах одного высказывания: *Откликнемся, братие, на призыв (солидаризация) своего Государя (апелляция к ценностям) к объединению (солидаризация), а отсюда, даст Бог (апелляция к ценностям), настанет время, когда враги наши (оппозиционирование), громающие Россию убийствами и грабежами и отравляющие ее смертоносным ядом губительных реформъ (обвинение), исчезнут яко дым от лица...*

В начале подраздела отмечалось, что к доминирующим тактикам авторов прокламаций можно отнести обвинение и негативную оценку. Объектами обозначенных тактик являются император и его круг, правительство, законодательная и избирательная система, представители промышленных, торговых кругов, виновных в «горе русского народа», ужасающем положении рабочих, крестьян, солдат. Как правило, обвинение сочетается в текстах с тактикой негативной оценки. Чтобы

у читателей не оставалось сомнений, в том, что страна идет к быстрому и неминуемому краху, авторы умело используют коммуникативные приемы воздействия на адресата. К ним можно отнести употребление номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения; сочетание экспрессивных языковых средств сниженного стиля, с одной стороны, и возвышенного — с другой: *нужно застраховать себя от разбоя на большой дороге, учиняемого великими князьями и министрами; царь-преступник хочет теперь подкупить рабочий класс разными пустяками* (из прокламации «Какое нам нужно страхование?») [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 5]; *В Думу правдой и неправдой лезут купцы, банкиры, промышленники, землевладельцы-помещики, попы, крупные или метящие в крупные чиновники. Одним словом, теплая компания* [Там же, л. 7].

В прокламациях социал-демократов авторы также обращались к тактике апелляции к ценностям, но апеллировали не к вере и превосходству одного народа среди прочих, а к общим демократическим ценностям — свободе, равенству и братству: *Да здравствует политическая свобода! // Да здравствует республика! // Рабочие всех стран без различия национальности и вероисповедания заявляют о своей братской солидарности, о том, что их положение, их стремления всюду одни и те же...; Подымайтесь же, товарищи рабочие, и через труп самодержавия идите к свободной демократической республике* [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 12].

Специфической же дискурсивной чертой прокламаций следует признать прямые призывы к свержению существующей власти и ее институтов, выражающиеся формами различной степени императивности: *Надо воспользоваться свободным временем и лишним заработком, чтобы вырвать власть у царя — убийцы и грабителя* [ГИАОО, ф. 25, оп. 1, д. № 160, л. 6]; *Готовьтесь, товарищи, революция не за горами!* [Там же, л. 5]; *Подымайтесь же, товарищи рабочие, и через труп самодержавия идите к свободной демократической республике* [Там же, л. 12]; *Пусть презрение и ненависть станут между самодержавием и цивилизованным миром! Смерть царизму* [Общественно-политическое движение, 1996, с. 136].

4. Заключение

Подводя итог дискурсивному анализу, резюмируем основное содержание коммуникативных особенностей политического дискурса начала XX века на материале исследуемых текстов. Автор политических речей предстает одновременно как религиозный деятель, духовный наставник и представитель партии монархистов, политический лидер с неоспоримым авторитетом. Авторство агитационных листовок является формально анонимным в силу условий появления и распространения текстов. Из содержания прокламаций очевидно, что они созданы представителями социал-демократов и эсеров, популяризирующих положения программ своих партий, прямо или косвенно призывающих к активным действиям.

Адресность политических текстов детерминирована целями авторов текстов. Речи епископа Гавриила непосредственно обращены к членам местного отдела «Союза Русского Народа», опосредованно — ко всем русским православным людям, способным и готовым объединиться на благо Родины, русского народа и православия

в целом. Адресат прокламаций также можно охарактеризовать как преимущественно групповой: это не весь народ, но народные массы, находящиеся в отчаянном положении отчаяния и способные в сложившейся социально-экономической ситуации активно откликнуться на революционные призывы.

Базовая для политического дискурса агональная функция реализуется в речи участников политической коммуникации начала XX века через стратегию дискредитации (в речах епископа) и стратегию борьбы за власть (в агитационных листовках). Характерно, что репертуар коммуникативных тактик у представителей противоположных по целям и задачам политических партий практически идентичен, однако различна значимость той или иной тактики в текстах. В речах Гавриила наиболее активно используется тактика солидаризации, апелляции к ценностям, оппозиционирования, мотивированные его религиозными и политическими убеждениями. В прокламациях стратегия борьбы за власть закономерно актуализирует тактики обвинения, негативной оценки, оппозиционирования и призывов к свержению существующей власти. Несколько тактик могут выступать в синтезе, усиливая таким образом речевое воздействие каждой из них.

На примере региональных исторических источников нами были продемонстрированы особенности коммуникативного поведения субъектов политической деятельности в условиях накаленной общественно-политической ситуации, обострения борьбы за власть, когда от политиков требовалась небывалая быстрота реагирования на события, происходившие в России, и привлечения на свою сторону разными способами как можно больше сторонников. В качестве перспективы исследования наиболее значимой видится изучение «политического нарратива» (термин А. П. Чудинова). Расширение круга источников разных жанров, объединенных определенным политическим событием (Кровавое воскресенье, отношение к Первой мировой войне и др.), позволит выявить множественность авторов, адресатов, коммуникативных стратегий и тактик, рациональных и эмоциональных оценок.

Источники и принятые сокращения

1. *Гавриил (Голосов Г. В.)* Собрание слов, речей и других статей преосвященного Гавриила, епископа Омского и Семипалатинского / Гавриил (Г. В. Голосов). — Омск : Тип. Акмол. обл. правл., 1910. — 458 с.

2. ГИАОО — *Государственный исторический архив Омской области*. Ф. 25. Оп. 1. Д. № 126. По обвинению граждан Омска И. и М. Поповых (1905 г.); Д. № 160 о крестьянине Михаиле Мишукове, обвиняемого в распространении прокламаций антиправительственного характера (1906 г.)

3. ОГОНБ имени А. С. Пушкина — *Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. Н.* Политический дискурс : прощание с ритуалом? / А. Н. Баранов // Человек. — 1997. — № 6. — С. 108—118.

2. *Гаспарян Г. Р.* Текст как дискурсивное событие / Г. Р. Гаспарян, В. Е. Чернянская // Вопросы когнитивной лингвистики. — № 4 (41). — 2014. — С. 44—51.

3. Громыко С. А. «Дума народного гнева» (О речевой агрессии в I Государственной Думе) / С. А. Громыко // Русская речь. — 2006. — № 6. — С. 88—93.
4. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с.
5. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс : история и современные исследования. — 2002. — № 3. — С. 32—43.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : URSS / УРСС ; ЛКИ, 2008. — 288 с.
7. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность, проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
8. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы Государя Императора в начале XX века / Н. А. Коновалова // Вестник Омского университета. — № 1. — 2014. — С. 42—47.
9. Новиков С. В. Листовки как источник к изучению региональных организаций революционных партий (на материалах г. Омска, ноябрь—декабрь 1905 г.) / С. В. Новиков // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 5 (170). — С. 190—195.
10. Общественно-политическое движение на территории Омской области (1903—1907) : Документы. Материалы. Хроника / С. В. Новиков (и др.) / под редакцией В. М. Самосудова. — Омск : НСИА Центр, 1996. — 168 с.
11. Патрикеева О. А. Депутаты-ораторы в Государственной Думе Российской Империи / О. А. Патрикеева // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. История и политология. — 2014. — № 3. — С. 36—41.
12. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография / О. Н. Паршина. — Астрахань : Издательство АГТУ, 2004. — 195 с.
13. Рогожникова Т. П. Русская культурно-языковая доминанта ПРАВДА в историческом изучении / Т. П. Рогожникова // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2015. — № 4 (22). — С. 52—58.
14. Рогожникова Т. П. Язык и стиль политических текстов начала XX века / Т. П. Рогожникова // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2018. — № 4 (34). — С. 53—60.
15. Сафонов Д. А. «Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX — начала XX века / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского педагогического университета. — № 2 (22). — 2017. — С. 193—208.
16. Цуцьева М. Г. Языковая репрезентация агональности в современном немецком политическом дискурсе / М. Г. Цуцьева // Научное мнение. — № 11. — 2014. — С. 33—37.
17. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2001. — С. 11—22.
18. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с.
19. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с.

POLITICAL TEXTS OF THE EARLY XX CENTURY: COMMUNICATIVE-DISCURSIVE FEATURES

© **Tatyana P. Rogozhnikova (2019)**, orcid.org/0000-0002-4821-8987, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), pmtr@mail.ru.

The results of a discursive analysis of political texts of the period 1903-1906 are presented. Particular attention is paid to the methodology for the study of political discourse in a historical perspective. The question is raised about the various spheres of the generation of political texts and their existence, participants in political communication, their socio-political affiliations. A discursive analysis of texts is carried out on the basis of a number of signs: authorship, targeted political text, communication strategies and tactics. It shows the actualization in the texts of opposing political parties of agonism as a specific property of political communication, the peculiarity of the implementation of agonism in the strategies and tactics of the authors: the monarchist and representatives of radical left parties. The classification of tactics that implement the strategy of discredit and the strategy of the struggle for power is given. The tactics of solidarity, appeal to values and opposition are indicated as dominating in the speeches of Bishop Gabriel. In the proclamations tactics of accusation, negative assessment and a call for a struggle for power are indicated. The character of the dependence of language means (including those from the arsenal of other types of discourse) on the nature of communicative tactics is determined. Textual combinations of communicative tactics are considered. Historical political texts are investigated in the communicative-discursive aspect.

Key words: political discourse in retrospect; political text; proclamation; agonality; communication strategies; communicative tactics.

MATERIAL RESOURCES

- Gavriil (GolosoV, G. V.). (1910). *Sobraniye slov, rechey i drugikh statey preosvyashchennogo Gavriila, yepiskopa Omskogo i Semipalatinskogo*. Omsk: Tip. Akmol. obl. pravl. (In Russ.).
- GIAOO — *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti*. F. 25. Op. 1. D. № 126. Po obvineniyu grazhdan Omska I. i M. Popovykh (1905 g.); D. № 160 o krestyanine Mikhaile Mishukove, obvinyayemogo v rasprostraneni proklamatsiy anti-pravitelstvennogo kharaktera (1906 g.). (In Russ.).
- OGONB imeni A. S. Pushkina — *Omskaya gosudarstvennaya oblastnaya nauchnaya biblioteka imeni A. S. Pushkina*. (In Russ.).

REFERENCES

- Baranov, A. N. (1997). Politicheskii diskurs: proshchaniye s ritualom? *Chelovek*, 6: 108—118. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2001). Diskurs kak obekt lingvisticheskikh issledovaniy. In: *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo SPbGU. 11—22. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Deyk van, T. A. (1989). *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (2002). Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii. In: *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya*, 3: 32—43. (In Russ.).
- Gasparyan, G. R., Chernyavskaya, V. E. (2014). Tekst kak diskursivnoye sobytiye. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4 (41): 44—51. (In Russ.).

- Gromyko, S. A. (2006). «Duma narodnogo gneva» (O rechevoy agressii v I Gosudarstvennoy Dume). *Russkaya rech'*, 6: 88—93. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi*. Moskva: URSS / URSS; LKI. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1999). Religioznyy diskurs. In: *Yazykovaya lichnost', problemy lingvokulturologii i funktsionalnoy semantiki: sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Peremena. 5—19. (In Russ.).
- Konovalova, N. A. (2014). Ob izuchenii problemy oskorbleniya krestyanami osoby Gosudarya Imperatora v nachale XX veka. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1: 42—47. (In Russ.).
- Novikov, S. V. (2016). Listovki kak istochnik k izucheniyu regionalnykh organizatsiy revolyutsionnykh partiy (na materialakh g. Omska, noyabr' — dekabr' 1905 g.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (170): 190—195. (In Russ.).
- Novikov, S. V. [i dr.] (1996) *Obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye na territorii Omskoy oblasti (1903—1907): Dokumenty. Materialy. Khronika*. Omsk: NSIA Tsentr, 1996. (In Russ.).
- Parshina, O. N. (2004). Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: monografiya. Astrakhan: Izdatelstvo AGTU. (In Russ.).
- Patrikeyeva, O. A. (2014). Deputaty-oratory v Gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy Imperii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*, 3: 36—41. (In Russ.).
- Rogozhnikova, T. P. (2015). Russkaya kulturno-yazykovaya dominanta PRAVDA v istoricheskom izuchenii. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya*, 4 (22): 52—58. (In Russ.).
- Rogozhnikova, T. P. (2018). Yazyk i stil' politicheskikh tekstov nachala XX veka. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya*, 4 (34): 53—60. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2017). «Oskorbleniye Velichestva» kak indikator obshchestvennogo soznaniya provintsialnogo obshchestva kontsa XIX — nachala XX veka. *Vestnik Orenburgskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (22): 193—208. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Tsutsiyeva, M. G. (2014). Yazykovaya reprezentatsiya agonalnosti v sovremennom nemetskom politicheskom diskurse. *Nauchnoye mneniye*, 11: 33—37. (In Russ.).